

ХРИСТИАНСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ БОРИСА ШЕРГИНА (1893–1973)

Юлия Юрьевна Федорова

*Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и культурологии
Ульяновского государственного педагогического университета
им. И. Н. Ульянова (Россия)*

fedorowaiulia @yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_81

Аннотация. В статье анализируются христианско-антропологические идеи в творчестве писателя Бориса Шергина. Указывается их центральное место в дневниках писателя, выявляются основные источники этих идей. Делается вывод о том, что важнейшими из них являются ключевые христианские идеи о человеке как образе и подобии Божию и о природе человека как богоустановленной иерархии телесного, душевного и духовного начал. Среди осмысляемых в дневниках черт образа Божия в человеке наибольшее внимание уделяется идее личности, наделенности человека умом или духом, а также способности к творчеству. В статье показывается внутреннее идейное единство не опубликованных при жизни автора дневниковых записей и заметок и опубликованных художественных произведений, общая христианско-антропологическая основа написанного.

Ключевые слова: Борис Шергин, христианская антропология, образ и подобие Божие в человеке, ум, дух, личность, творчество.

Для цитирования: Федорова Ю. Ю. Христианско-антропологические идеи в творчестве писателя Бориса Шергина (1893–1973) // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2024. № 2 (10). С. 81–107. DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_81

CHRISTIAN-ANTHROPOLOGICAL IDEAS IN THE WORKS OF THE WRITER BORIS SHERGIN (1893–1973)

Yulia Fedorova

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Russia)
fedorowaiulia @yandex.ru

DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_81

Abstract. The article analyzes Christian-anthropological ideas in the works of the writer Boris Shergin. Their central place in the writer's diaries is indicated, and the main sources of these ideas are identified. It is concluded that the most important of them are the key Christian ideas about man as the image and likeness of God and about human nature as a God-established hierarchy of bodily, mental and spiritual principles. Among the features of the image of God in man interpreted in diaries, the greatest attention is paid to the idea of personality, the endowment of a person with a mind or spirit, as well as the ability to create. The article shows the internal ideological unity of both diary entries and notes not published during the author's lifetime as well as his published works of art, the common Christian-anthropological basis of what was written.

Keywords: Boris Shergin, Christian anthropology, the image and likeness of God in man, mind, spirit, personality, creativity.

For citation: Fedorova Yu. Yu. Christian-anthropological ideas in the works of the writer Boris Shergin (1893–1973) // Sretensky Word. Moscow : Sretensky Theological Academy Publ., 2024. No 2 (10). Pp. 81–107. DOI: 10.55398/27826066_2024_2_10_81

Известно, что писатель, сказитель, художник Борис Викторович Шергин (1893–1973) свое творчество считал особой миссией, призванной раскрывать богатство древней культуры Русского Севера. В разнообразных

традициях этой северной культуры, которую он, уроженец Архангельска, впитал с детства и глубоко изучил в молодости, Борис Шергин видел нечто фундаментальное для России, аналогичное античной культуре для европейских народов. Миссия Бориса Шергина воплотилась во множестве замечательных поморских рассказов, очерков, сказок, былин. Однако со временем к писателю пришло осознание еще одной, более важной миссии, — миссии свидетельства о том, что на земле сохранилась «искорка радости Господней», что путь спасения и духовной жизни для современного человека не закрыт, несмотря на насаждаемое и торжествующее вокруг безбожие.

Для выполнения этой миссии с конца 1930-х гг. Борис Шергин начинает вести Дневник, в который записывает результаты своей «работы в области религиозной мысли», молитвенные размышления, свидетельства о своем духовном опыте, а также о церковной жизни середины XX в. Пытаясь «обтолочь своими боками путь к богопознанию, богосознанию» [Шергин 2014. Т. 3: 86], как бы проторить этот путь для других, Шергин надеялся, что когда-то его записи станут духовной пищей для оголодавших людей, привыкших получать от современной цивилизации «камень вместо хлеба», что в этих его записях они смогут найти ответы на свои духовные вопросы.

При жизни писателя было опубликовано несколько сборников его рассказов, былин и сказок, дневники же стали открываться и постепенно выходить в свет только после его смерти, а без идеологических купюр — лишь с начала 90-х гг. Благодаря «открытию» дневников стало возможно посмотреть на творчество Бориса Шергина в целостности, сквозь призму идей Дневника увидеть по-новому и те смыслы, что заложены в опубликованных при жизни произведениях, увидеть их глубокое внутреннее единство, единую христианскую основу всего написанного.

Дневник Бориса Шергина прекрасно охарактеризовала поэт и филолог Светлана Кекова: «Этот дневник, дневник духовный, — удивительное творение сокровенного человеческого сердца: одновременно перед нами исповедь, проповедь и высокое богословие — богословие творения, красоты богозданной и любви» [Кекова, Измайлов 2014: 98]. Можно добавить, что круг богословских проблем, затрагиваемых в шергинском Дневнике, намного шире. В частности, особенно значимое место среди записей занимают вопросы, связанные с христианской антропологией, — так, что даже вся «миссия» Дневника может быть названа антропологической по преимуществу.

Большинство дневниковых записей затрагивают «проблему» человека, причем «проблема» человека является для Шергина не в абстрактно-философском или богословском плане, а в самом насущном. Во-первых, насущном в предельно личном смысле, отсылающем к знаменитым словам августиновской «Исповеди»: «Я стал сам для себя землей, требующей тяжелого труда и обильного пота» [Августин Аврелий 1992: 139]. Все размышления в Дневнике Бориса Шергина опираются на результаты глубокого, искреннего самопознания и многолетнего, многотрудного опыта духовной борьбы.

Во-вторых, «проблема» человека в шергинских дневниках является насущной в смысле осознания им катастрофичности и в какой-то степени необратимости последствий утраты в современном ему обществе (а это советское, атеистическое общество с культом прогресса, науки, материального благополучия) христианского взгляда на человека как на образ и подобие Божие и на природу человека как на богоустановленную иерархию телесного, душевного и духовного начал. Вместо образа и подобия Божия видит он в современном человеке — оскотинивание, сползание к «человекообразности» и даже — осатанелость: «ум века сего — скотский ум» [Шергин 2014. Т. 3: 105]; «человек и целое общество человеческое свирепеет, сатанеет» [Там же: 200]; «в стадо тупое, безмолвное, многоголовое превратило человека безбожие» [Там же: 26]. Люди стали думать, «что дух и тело — одно, что подчинена душа телу всячески» [Там же: 72]. Поэтому современный человек болен и в прямом, и в переносном смысле: «А наши времена — упадок, болезнь, идиотизм, малярия. Болезнь века: так тому быть» [Там же: 7]. Человек в атмосфере безбожия экзистенциально одинок и беспомощен, ему не на что опереться внутри себя, он стал неспособен к внутренней, духовной жизни: «Отвергнув Бога, человек подрубил корни своей души... И вот у человека не стало внутренней жизни. Душа современного человека не томится “желаньем чудным”. Это живая смерть. Это живые мертвецы» [Там же: 235].

Вот еще яркий и очень актуальный образ: «Современный человек, что палка, воткнутая в асфальт. И навинчены на тупую башку кнопки, и суждено человечку жалкому денно-нощно принимать мутные отхожие “волны”. Разве останется что от человека? Где тут быть разуму? Страшен сей сон духовный...» [Там же: 129]. Поэтому «великим делом», одной из важнейших задач автора Дневника становится «показать человеку его вели-

чие, его ценность, его значение... показать человеку, в чем его истинное счастье, в чем его мир нерушимый, в чем его неотымаемая, неиссякаемая радость» [Там же: 27]. Шергин хочет напомнить человеку и призвать его: «дана нам слава, вернемся к славе чад Божиих, возьмемся мы за свою славу» [Там же: 107].

Писатель обращается к богословским идеям христианской антропологии, показывая, что именно там содержатся ответы на самые важные вопросы заблудившейся и страдающей души современного человека: о смысле жизни, о смысле и преодолении страдания, о смерти и бессмертии, о правильном отношении к природе и людям, об источниках и средствах богопознания, о пути к истине, о творчестве и счастье.

Какие именно христианско-антропологические идеи положены в основу шергинских размышлений о человеке? Следует еще раз отметить, что все эти идеи направлены у Шергина на главное христианское положение относительно человека, — положение о том, что человек был создан по образу и подобию Божию. Борис Викторович неоднократно возвращается к этому положению на страницах Дневника: «По образу Божию создан человек... Человек малым чем умален от ангела» [Там же: 27]. Еще пример: «Из начала мира звучит откровение Библии: Бог сотворил человека по образу Своему и подобию. Взяв тело от земли, Бог вдохнул в это тело “душу живую”. Бог наделил человека Своими Божественными свойствами...» [Там же: 471].

Все остальные антропологические идеи в Дневнике либо раскрывают те или иные черты образа Божия в человеке, либо касаются вытекающих из этого положения следствий — прежде всего способности человека особым способом видеть и познавать Бога и Его творение. Так, осмысление понятия «образ Божий» у Шергина оказывается весьма близким тому определению, которое дает автор известного современного труда по православной антропологии, обобщая посвященную этой теме святоотеческую литературу: здесь «образ Божий» выступает как «богодарованное начало», являющееся «онтологическим основанием человека», «наделяющее человека божественными свойствами» и позволяющее ему выполнить свое главное предназначение — богообщение и богопознание [Вадим Леонов, прот. 2023: 124, 128]. Здесь же перечисляются «важнейшие черты образа Божия в человеке: личность, свобода, бессмертие, творчество, владычество, ум, духовность, совесть, любовь, добродетельность, стремление к совершенству» [Там же: 105]. Эти же черты выделяет и осмысляет в своем

Дневнике Борис Шергин, наибольшее внимание уделяя идее личности, наделенности человека умом и духом, возможности использовать эти понятия как синонимы [Там же: 75–76], а также способности к творчеству, и особенно — к слову.

Здесь следует заметить, что, по-видимому, Борис Викторович разделял мнение о создании человека именно по образу Сына Божия — второй Ипостаси Пресвятой Троицы, Бога Слова. Например: «“Первый ум”, то есть подлинный ум, то есть оригинал всякого ума есть Божие Слово. Следственно, мы должны быть копиями живыми...» [Шергин 2014. Т. 3: 344–345]. Или в другом месте: «Христос каждого из нас омыл Своею кровью... На панихиде, от лица умершего, возникнет молитва: “Я образ неизреченной славы Твоей. Ты из небытия создал меня и образом Своим Божественным почтил”» [Там же: 472].

Это мнение в святоотеческом богословии было характерно в основном для представителей Александрийской богословской школы [Вадим Леонов, прот. 2023: 131]. Несколько забегаая вперед, можно сказать, что и в некоторых других вопросах шергинская антропология и богословские размышления писателя находятся (иногда опосредованно через идеи святителя Филарета Московского и некоторых русских философов, использующих идеи христианского платонизма) под определенным влиянием этой александрийской линии в богословии. Она включает в себя как отцов-апологетов первых веков, философски близких платонизму (Климент Александрийский, Ориген), так и великих богословов — святых отцов Церкви (Афанасий Великий, Кирилл Александрийский, Григорий Нисский), а также представителей монашеской письменности и мистико-аскетической традиции (прп. Максим Исповедник, Евагрий Понтийский и многие другие) [Михайлов 2013: 73].

В частности, это касается и вопроса о способности к слову как важнейшей черте образа Божия в человеке. «Учение Церкви о Втором Лице Святыя Троицы, — пишет Шергин, — открывает беспредельныя глубины сущности слова как Логоса, а соотносительно (дерзну так выразиться) с сим Первым, вечным Словом, по образу Слова-существа божественного, живет и слово, изнашиваемое от разума и сердца человека» [Шергин 2014. Т. 3: 319]. Мысль о том, что «слово человеческое носит в себе образ Слова Божия», развивал в своих творениях один из самых значимых для Шергина святых — святитель Филарет Московский, который, как показывает

о. Павел Хондзинский, в свою очередь, был близок в этом учению святителя Афанасия Александрийского. О. Павел цитирует следующие слова александрийского богослова: «Бог даровал людям нечто большее: не создал их просто, как всех бессловесных животных на земле, но сотворил их по образу Своему, сообщив им и силу собственного Слова Своего, чтобы, имея в себе как бы некие оттенки Слова и став словесными, могли пребывать в блаженстве, живя истинною жизнью, и в подлинном смысле — жизнью святых в раю» [Павел Хондзинский, прот. 2012: 217].

Способность к живому, действенному слову — особенно дорогая для Шергина как писателя черта образа Божия в человеке. Умение святых и некоторых писателей достигать своим словом до глубин души, сделать свое слово «семенем», оплодотворяющим душу (автор Дневника заимствует этот образ у о. Павла Флоренского [Шергин 2014. Т. 3: 319; Шергин 2015. Т. 4: 97]), как бы возвращает человека в то райское состояние, когда «великими свойствами обладало человеческое слово...» [Шергин 2014. Т. 3: 209]. Поэтому в заметках «О творчестве» Шергин призывает себя и других писателей целомудренно и «трезвенно» работать над собой и своим писательским словом, чтобы оно было «на пользу» души читающего и слушающего, подобно слову «древних отцов, наставников-проповедников, учителей-философов» [Шергин 2015. Т. 4: 356, 360, 363].

Каковы, помимо упомянутой александрийской богословской и платонической традиции, другие источники для шергинских размышлений о человеке? Первым и основным источником христианско-антропологических идей, выраженных в дневниковых записях писателя, является антропология апостола Павла. Неоднократно Шергин прямо цитирует Павловы послания, но, кроме этого, он постоянно опирается на его терминологию, а также включает в свои рассуждения микроцитаты, парафразы, аллюзии на идеи апостола. Можно привести одно пространное высказывание из записи 1945 г., где тексты апостола присутствуют сразу как на уровне цитат и микроцитат, так и на уровне терминологии в словах самого Шергина: «Тело сие, плоть сию тленную нашу апостол Павел “хижиною” называет, хибаркою убогою, гнетущею прозябающий, ютящийся в ней дух. Вместо сей жалкой, тесной лачуги Бог готовит человеку жилище царственное... Оттого-то мы и стенаем (ныне), желая одеться небесным нашим жилищем... Но мы, говорит Павел, не хотим, нам непосильным кажется сбросить с себя гнилые и тесные стены этой хижины, хотя и стенаем под ея

бременем... А надо, чтобы “смертное сие” (больное, тяжелое, водяничное, гниущее) поглощено было жизнью. Водворяясь в теле, подчиняясь этому грузу, мы отстраняем и устраняем себя от Господа (от радости о Господе). “...Выйти из тела и водвориться у Господа” — это святые стяжали, еще будучи “в теле”... И потому были бодры духом и всегда радостны... Естественный, плотский, страстный, телесный человек всегда ветх, утл, дряхл, независимо от возраста» [Шергин 2014. Т. 3: 180–181].

С помощью Павловой терминологии («духовное–плотское», «тленное–нетленное», «ветхий» и «новый» человек, «внешний» и «внутренний» человек и т. д.) Борис Викторович стремится описать основное противоречие и борьбу в падшем человеке (как в себе самом, так и в современном ему человечестве), отмечая непреходящую в веках значимость этих идей и понятий: «Павел — Христовы Уста всяко свое слово сколько коринфянам пишет, друга столько нам, человекам сих последних времен...» [Там же: 181]. Таким образом, читателю становится ясно, что «антропологическая катастрофа» XX в. — это не только современное искажение понятия о человеке, а катастрофа, произошедшая в самом начале человеческой истории, ввергнувшая человека в руки искусителя, сделавшая сердце человеческое на все века «полем битвы», но и сделавшая историю — историей спасения: «Дьявол скрывает от наивной своей паствы то, что зло гнездится в сердце человека, зло пущено в мир, “мир во зле лежит”, лежит издревле... Но так же, как велено миру лежать во зле, человеку и людям велено спастись. Творец и Зиждитель, давший человеку свободную волю, взял на себя грех мира и основал на Земле, в царстве Зла, царство Добра, царство Любви и Света — Церковь Свою» [Там же: 235–236].

Другим важнейшим источником для шергинских размышлений о человеке выступают писания святых отцов, по преимуществу авторов монашеской аскетической традиции, к которым Шергин обращался как к руководству в своей собственной жизни и духовной борьбе, пытаясь жить «иноком в миру», но не имея духовного наставника и часто сокрушаясь о бессистемности, беспорядочности, «самовольстве» в своей духовной жизни [Там же: 39, 86, 317, 397 и др.; Шергин 2015. Т. 4: 344–346]. Чаше других он упоминает писания преподобных Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, аввы Дорофея, настаивая и на их исключительной актуальности и необходимости для человека современного: «Авва Дорофей, преподобный и преблаженный, жил в VI веке, но постулаты его о человеке, о законах психики

человеческой вековечны, незыблемы... Разве кто-нибудь сказал человеку о нем самом так благодатно, так исчерпывающе, так живительно, так спасительно, так животно. Разве кто-нибудь так поразительно показал человеку его душу, все пути и заблуждения человеческой души, все изломы человеческой психики, разве кто раскрыл человеку смысл жизни, смысл страданий, разве кто привел род человеческий в сияние, в радость, разве кто показал путь в вечность, как осиянные светом Евангелия, учителя веры Христовой, истинные носители света Христова: апостол Павел, отцы Церкви, учителя Церкви и богоносные отцы — Исаак, Иоанн, Дорофей и другие. Все пройдет, а слова истинных учеников Спасовых не пройдут. И сейчас, а сейчас особенно, они, благодатные, и только они дадут ответы на все вопросы жизни нашей» [Шергин 2014. Т. 3: 39].

Наконец, наиболее цитируемыми на страницах Дневника являются богослужебные тексты. Церковная поэзия, живительные строки которой Борис Шергин начал впитывать еще в детстве, «стаивая у служб церковных», по сути, стала неотъемлемой частью его собственного молитвенного языка, так легко и естественно он вливает в свою речь образы и мотивы самых разных церковных молитвословий. При этом среди всего богатства церковной гимнографии как опять-таки наиболее актуальные и насущные выделяет Шергин тексты и песнопения Триоди постной, в частности Великий покаянный канон прп. Андрея Критского: «Боль врача ищет. Потому и копится в храмы народ... к слушанию Канона Великого, что на все времена указано здесь, что добро и что зло, где свет и где тьма, что болезнь и что здоровье. Богоносный, богопросвещенный поэт раскрывает человеку его душу, объясняет человеку, откуда его несчастье и в чем. Как великий хирург и врач, рассекает поэт-философ-учитель жизни вековечные раны души человеческой. И исцеляет дивною божественною целью. И как современен Андрей Критский! И чем дальше будет уродовать людей цивилизация, тем поэт из Крита будет нужнее и нужнее. Ныне человека превратили в винтик машины, в удобение для сомнительного счастья грядущих родов. Человек стал пылью самой будничной. И “с воплем крепким и со слезами” зовет Андрей, как бы с нами в XX веке живя и с нами валяясь в прахе будней и злыдней: “Ты, Творче мой, создал меня, чтоб я унаследовал престол Славы, престол Царства, а я валяюсь на гноище. Ты уготовил мне царственные ризы, а я тащу на себе нищенское, смрадное рубище...”» [Там же: 160].

Но самые необходимые и главные слова, ради свидетельства о которых Борис Шергин и совершал свой исповеднический подвиг длиною в жизнь, — это слова Пасхальных песнопений: «О, человече! Изучи на память, непрестанно припевай душе своей канон Пасхи и тропари. Держи в памяти чины пасхальные, и звоны, и сияния свечей, и бряцания кадил, и целование: “Христос воскрес!”» [Там же: 472]. «Напиши, человече, у себя на сердце, коронуйся, как царскою диадемой, этим вот ирмосом Пасхального канона, еже “Воскресения день, просветимся людие. Пасха, Господня Пасха! От смерти к жизни и от земли на небо привел Христос нас, поющих гимны победные”. И этими поне двумя тропарями упивайся, как вином. Хотя б всей жизни подвигом “очистим чувства” и тогда, несомненно, узрим Христа, блистающа неприступным светом воскресения» [Там же: 105]. В одном месте Шергин даже пишет, что, если бы была у него возможность, издал бы отдельную книгу с песнопениями Великого поста и Пасхи [Там же: 211–212].

При этом следует добавить, что особенное место и в Дневнике, и в жизни Бориса Викторовича занимало первое пасхальное зачало Евангелия от Иоанна, которое он знал наизусть и произносил в наиболее тяжелые, отчаянные минуты: «Ино пору безнадежность, беспросветность одолят душу; паду на сундучишко, на котором сплю, и башку свою несчастную пальтишком накрою. И вот начну, заставлю себя, зачитаю тихонько нараспев, как в пасхальную литургию чтут по стихам: “В начале бе Слово, и Слово бе в Боге, и Бог бе Слово. В Нем была жизнь. И жизнь была свет человеком”» [Там же: 104].

Но и для всего страдающего под бесовским воздействием человечества, которому «идол науки и прогресса» не способен «отереть слезы», в этих евангельских словах полагает Борис Шергин главную надежду: «В Пасху, в Христову ночь, когда еще горят в куполе неба звезды, но уже золотится восток зарею светлого Воскресенья, в этот час на всех языках мира возглашается вечное и радостное благовестие всему миру: “Всё чрез Христа начало быть, и без него ничто же бысть, еже бысть. Во Христе жизнь, и эта жизнь есть свет миру и человеку. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...”» [Там же: 235]. Последние слова рефреном проходят по всему Дневнику, автор возвращается к ним постоянно, и даже саму задачу-миссию Дневника видит в возглашении этих слов: «Кипу бумаги исписал уж, а надобно ли это кому... Надо! Пусть ведомо будет, что... “И свет во тьме светит, и тьма его не объят”» [Там же: 104].

Весь Дневник писателя по-настоящему христоцентричен, и это раскрывается на страницах «Диариуса» не только через личный духовный поиск (например, молитвенные прошения акафиста Иисусу Сладчайшему являются еще одним сквозным лейтмотивом Дневника), но и в общечеловеческом и историческом ключе: «Если бы не пришел Христос, никакой свет давно уже не светил бы, давно уже все было бы объято тьмою “мира сего”... только Он, простирающий нам руки с язвами крестными и взывающий: “Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас”, только Он, единый безгрешный, Владыка кроткий, Владыка тихий, может уврачевать безутешную скорбь рода человеческого» [Там же: 226].

Саму Пасху Борис Викторович описывает как «брак души человеческой и воскресшего Бога» [Там же: 112]. Единение со Христом, вечная радость встречи с живым своим Первообразом, с Тем, для Которого создан человек, — высшая точка реализации человеческого предназначения, по отношению к которой все остальное (аскеза, молитва, творчество, созерцание и единение с природой) — лишь путь и средство прохождения этого пути: «Во Христе скончиваются все наши желания. Христос наше счастье, воскресенье, жизнь, мир, радость. Во Христе цели стремлений наших» [Там же: 127]. И снова тут Дневник-исповедь Шергина словно отсылает нас к знаменитым словам из «Исповеди» блаженного Августина: «Ты создал нас для Себя и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» [Августин Аврелий 1992: 8].

В свою очередь за конкретными примерами для антропологических размышлений Борис Шергин обращается к житиям и образам святых, которые занимают в дневнике его особое, исключительное место. Дневник Б. В. Шергина преизобилует упоминаниями о святых и является свидетельством того, что автор его живет в церковном круге памятей святых постоянно, а точнее, «живет со святыми», ибо считает, что день памяти святого «есть день его жизни с нами, жизни особенно близкой и соборной» [Шергин 2014. Т. 3: 346–347]. Писатель на страницах Дневника часто противится тому, чтобы в житиях или самой евангельской истории видели только нравоучение; живое общение со святым, возможность личной духовной встречи, приобщение к его святости, к торжеству его памяти — вот что важно. Святые — это также помощники и вдохновители на пути духовной жизни, которую Шергин постоянно как бы сверяет по святым: «Ангелы земные, отцы мои о Господе... сердце мне они растут, душу надымают.

Крылья даруют и будят, и говорят: давай полетим! Это помощники мои» [Там же: 21].

Святые являются зримым воплощением возможности подлинного бытия для человека, некоей нормы человеческого существования. «Приникини к житиям святых, т. е. настоящих людей», — читаем мы в записи за 1945 год [Там же: 182]. Возвращаясь из храма под праздник св. Алексия, человека Божия, Шергин отмечает: «Лик прекрасный Божьего человека будто нес с собой» [Там же: 168]. Здесь автор Дневника связывает именование конкретного святого в традиции с той мыслью, что святой вообще — это тот, в чьем духовном облике открывается нам воплотившаяся первозаданная красота Божиего замысла о человеке.

Замечательно выражена та же мысль о святых как о настоящих и прекраснейших людях и в следующей записи: «В Четрых Минеях предложены человечеству изображения жизней, характеров, чувств, поступков прекраснейших, единственнейших, несравнимых. Что было лучшего в человечестве, то изображено в Житиях, дано сие нам на все времена. И более высшего прекрасного не будет» [Там же: 146]. Свой собственный духовный поиск, свое личное стремление к святости Шергин также называет «желанием древнею красотою вообразиться», цитируя здесь слова умилительных тропарей по «Непорочных» из последования панихиды: «Но вспомнило нечто во мне, что я образ неизреченныя славы Твоя, аще и язвы ношу прегрешения. Помню, сквозь греховный сон помню, что был я образом Божественным почтен. Помню и плачу, и желаю древнею красотою вообразиться» [Там же: 38].

Здесь следует также отметить, что, судя по одной из записей в Дневнике, Борис Викторович разделял гипотезу некоторых святых отцов о сотворении человека вместо падших духов для восполнения общего числа ангелов: «Для великой радости привел Бог в бытие род человеческий, для того, чтобы восполнить отпавший некогда десятый чин ангельский. Ангелами хочет видеть нас Творец» [Там же: 38]. При этом автор Дневника, по-видимому, опирался на сведения апокрифического происхождения из древнерусской «Толковой Палеи», в которой говорится об отпавших ангелах именно как об особом десятом ангельском чине [Мильков, Камчатнов, Козлова 2022: 228–229, 271]. Однако мотив «подражания ангелам» — ключевой мотив житийной литературы, посвященной преподобным [Руди 2006: 434–435], которые чаще других святых упоминаются на страницах

Дневника. Постоянное наименование Шергиным святых «земными ангелами, небесными человеками» [Шергин 2014. Т. 3: 21, 83, 101, 104 и др.] может быть понято в этой связи не только как использование традиционного житийного словесного оборота, но и как еще одно указание на то, что святые — это и есть «настоящие люди», исполнившие и воплотившие в своей жизни Божий замысел о человеке.

«Ангельская» черта, уподобляющая святых бесплотным силам — способность жить не по плоти, а по духу (Рим 8, 9.) Тяжкая борьба плотского и духовного в человеке, борьба, в которой святые с помощью Божией победили и, перейдя определенную меру, сделали свой дух свободным от вожделений плоти, — еще один постоянный предмет шергинских размышлений. При этом вся сущность другой борьбы — борьбы «житухи века сего» против человеческого достоинства заключается в том, чтобы привести в забвение саму возможность «жить по духу». Поэтому «вопросом жизни и смерти» называет Борис Викторович эти «термины книг церковных: душа, дух, сердце, мысль сердечная, очи сердечные, очи мысленные...» [Там же: 194]. Именно эти «высшие способности человека, способности духа притупили и убили в человеке» современная «мертвенная» цивилизация, «безбожный прогресс, напрасные науки» [Там же: 81].

Человек утратил способность познавать умом-духом: «крылатый разум превращается в будничный убого-практический рассудок» [Там же: 231]. И это не только лишает человека «могучего бескрайнего ведения и познания, которые дает Христос Воскресший» [Там же: 232], но лишает этим и радости, без которой «незачем человеку таскать свое тело» [Там же: 175], и «о высшей мере», которой жили именно святые [Там же: 263]. «Радость и веселье сердечное» в словаре Шергина, как показывает в своих работах Е. Ш. Галимова, — это почти всегда синоним Божественной благодати [Галимова 2022: 49]. Поэтому часто называет он эту радость вечной, «неотымаемой», но и требующей от нас постоянного духовного труда для того, чтобы эту радость «стяжать» и «хранить». Говорит Шергин и о «потоках» и «струях живоносной радости», нисходящих от Бога на весь мир, но невидимых для ослепших умом и духом людей, ибо у современного человека «будничная житуха-бытуха... замутила прозрачность умного зрения» [Шергин 2014. Т. 3: 442].

Сам Борис Викторович обладал удивительной созерцательной способностью, которая начала проявляться у него уже в молодости, а с возрастом

стала настоящим «духовным зрением», о чем также писала Е. Ш. Галимова [Галимова 2022: 2]. Дневники писателя содержат множество не просто описаний природы, а молитвенных свидетельств о том, что автор, подобно древним подвижникам, часто находился в состоянии, близком тому, что в аскетическом богословии называется «естественным созерцанием» — непосредственным видением природы тварных существ, или «логосов» сотворенной природы.

Согласно отцам, писавшим о естественном созерцании, а большинство из них относились к уже упомянутой александрийской богословской традиции [Михайлов 2013: 71–73], «логос» каждой вещи — это смысловой центр ее бытия, «печать» присутствия Творца в сотворенном. В позднейшем святоотеческом богословии (паламизме) ясно формулируется, что эти логосы «не имеют самостоятельного бытия вне Бога, но оказываются тождественны понятию нетварных Божественных энергий, животворящих действий Творца», благодаря которым имя Божие святится «по всей обретающей богопричастность вселенной, славится и хвалится ею и в ней» [Малков 2000: 216]. Сколько раз на страницах Дневника Шергин описывает, как природа славит и хвалит Бога, как в молитвенной тишине замирает она в благоговейном поклонении Божеству, как страдает она вместе со Спасителем и как радуется она Его Воскресению [Шергин 2014. Т. 3: 68–69, 98, 100, 169–170, 184–185 и мн. др.]! Очевидно, что Борис Викторович с годами сподобился настоящего благодатного дара видеть природу живой, преобразившейся, прославленной, «вечнуюющей» и «истинствующей» [Там же: 130], видеть «иное бытие, настоящее» [Там же: 84].

Это созерцание на страницах Дневника не только фиксируется, но и осмысливается, становясь как христианским богословием природы (это отдельная тема для рассмотрения), так и богословием человека, христианской антропологией, понятие «ума» для которой, как уже отмечалось выше, — одно из центральных в утверждении о том, что человек есть образ Божий. Поскольку именно благодаря уму, «владычественному» в человеке, он способен в состоянии цельности и нераздвоенности к такому непосредственному ясному восприятию вещей и через это — к ясному, непосредственному общению с Богом в молитве — единственном делании, в котором человек является самим собой, приближается к совпадению со своей сущностью.

«Где этот ум взять? — ставит Шергин вопрос о таком «видящем», открывшемся навстречу Богу и миру уме. — Вот вторая неделя постов Паламина

будет. Его зови: “Яко ум Уму Первому предстояй, к Нему ум наш настави”. О, как возвеличен человек! Ведь человек же был Палама. А он назван “ум божественный”. Добро войти в стихию, в степень, в русло такого ума. Правильность мышления здесь не дает результата схоластического, сухого. Правильное, логическое мышление, “правость умная” приводит здесь мыслящее существо человека в любовь» [Там же: 344–345].

Осмывая опыт созерцания, Борис Викторович неоднократно акцентирует способность ума к «духовным чувствам»: умному зрению, тонкому духовному слуху и иногда косвенно — духовному же обонянию (например, он пишет, что пребывание в мире Бога «езде сущего и вся исполняющего, подобно благоуханию цветка, растворенному в воздухе...» [Там же: 163]; или, обращаясь к памяти прп. Серафима Саровского, призывает себя: «обонянь ладан Саровских Сосен» [Там же: 140]).

Говоря о духовных чувствах ума, автор Дневника снова призывает обратиться к святым и их опыту: «Святые видели природу зрением прояснившимся, зрением чистым»; прп. Серафим Саровский «сам истинно живой все узрел живым» [Там же: 139, 167]. Святые созерцали красоту творения, присутствие Бога в мире, единство всего сотворенного и природу — живой, способной откликаться на веления Божии и на состояние человеческого духа, поскольку видели «внутренним умным взглядом», «душевными очами», «сердечными очами», «духовным взором», слышали «сердечным слухом». «Душевные очи истинным все видят. Физическое зрение скользит по поверхности», — пишет Шергин [Там же: 60].

Писатель указывает на опыт святых, однако и каждый человек, согласно автору Дневника, призван к тому же: «Тот, “через Которого все начало быть”, Радетель нашего счастья, велит эти “очи чистые” непременно стяжать» [Там же: 413]. Поэтому многие страницы дневниковых записей посвящены размышлениям о необходимости аскезы для современного человека (даже в условиях крайней нищеты и голода военного времени), о сознательном отречении, очищении страданиями, подвигом, крестом: «Многоскорбен этот путь, но благодарен. Глиниста, неродима душевная целина у нас. Ничего не растет. Скорбями многолетними она вспахивается, печальями боронунется, слезами засеивается... Зато очи сердечные откроются. Внутренний человек, зрячий и с тонким слухом, в тебе проснется. Все равно как прежде огонь добывали: бревно о бревно терли, трудясь до тех пор, пока искра не вспыхнет, огонек не родится. Таково и нам надо

трудиться, чтоб искорку живого огня вытереть внутрь себе. Тогда откроются очи, чтоб видеть Троицу Живоначальную в небесах и Его, Света нашего, Господа прелюбимого, сидящего одесную Отца» [Там же: 245].

Настоящим духовным завещанием Бориса Викторовича стали слова одной из последних дневниковых записей: «Возьми крест, падай под тяжестью его, да опять носи. Гляди, впереди тебя на Голгофу идет Сам Христос. Человеку, взыскующему Христа, суждено претерпеть и Голгофу. И тогда наступит воскресение. Еще здесь, на земле. Тогда еще, когда ты в теле, в плоти, найдет тебя Пасха Великая. Когда откроются у тебя очи и слухи сердечные, тогда в Пасхальную ночь узришь дивное чудо Божие на Земле, узришь Христа, сияющего светом Воскресения. Ясно услышишь из уст Его слово, обращенное к тебе: “Радуйся!”. Ликуя и радуясь, запоешь победную песнь: “Христос воскрес из мертвых!”» [Там же: 471].

Возвращаясь к основным чертам образа Божия в человеке, осмысляемым Борисом Шергиным в его дневниковых записях, следует отметить также, что для автора Дневника очень важен личностный взгляд на человека в противовес распространившейся в окружавшем его обществе коллективистской идеологии. Можно даже сказать, что дневниковые записи Шергина близки идеям христианского персонализма, проблематика которого в конце XIX — начале XX в. была очень характерна для русской философской и богословской мысли, с которой Борис Шергин, судя по всему, был хорошо знаком, хотя в Дневнике почти не называет конкретных имен (кроме Ф. М. Достоевского, Вл. Соловьева, о. Павла Флоренского).

Сегодня не утихают споры о том, можно ли с помощью персоналистской терминологии адекватно выразить христианское представление о Боге и человеке, поскольку святоотеческая мысль понятия «личность» в современном понимании не знала [Малков 2007; Мефодий (Зинковский), иером. 2014; Шичалин Ю. А. 2009 и мн. др.]. Тем не менее и обойтись без этого понятия и личностных коннотаций вообще в современной православной антропологии трудно, поскольку личностный взгляд на человека позволяет сегодня «отстаивать» его безусловную ценность, уникальность, единственность, метафизическую глубину, несводимость к природе и социуму при всей необходимой вовлеченности в жизнь общества и природы.

Какую-то специальную «персоналистскую» терминологию Борис Викторович почти не использует, да и само слово «личность» встречается в его

записях довольно редко. Но некий «персоналистский» пафос (в чем-то сближающий антропологию Шергина с антропологией Ф. М. Достоевского), восприятие человека в его личностном неповторимом и бессмертном начале присутствует у него повсюду. При этом дважды — в самом начале Дневника и в одной из последних записей Борис Шергин прямо использует слово «личность» в его специфическом христиански-персоналистском значении, указующем на бесконечную ценность каждого человека в очах Божиих: «Человека перестали ценить. “Коллектив”. Член “коллектива”. Что нам душа! Машинка есть человек!.. Души не стало. Ничего не стало. Массы одни... Нет в них жизни. Как спички обожженные, или как сотни номерков на табели фабричной, или как орехи пустые... Валят по улицам, по площадям-то люди... Тысячи! Масса! Где тут разбирать, кто тут будет разбирать Марью от Дарьи, Ивана от Егора? Господь разбирает! “Единой души человеческой весь мир не достоин быти”... Вот что в основу Христос кладет. Вот где личность-то, индивидуум-то, вот где человек-то вознесен и поставлен. Каждый человек — это сложный громадный мир. Тело человеческое — это храм Святого Духа... Все сокровища мира — ничто перед ценностью души человека» [Шергин 2014. Т. 3: 26–27].

В самом конце Дневника Борис Шергин снова возвращается к этой мысли, но уже не в социальном, а в церковном контексте: «Христианство есть церковь соборная. Без соборности, без литургического общения нет церкви. Но к каждому из членов этого собора церковь относится как к личности самостоятельной. Христос каждого из нас омыл Своею кровью. Потому Он и сказал: “Единой души человеческой весь мир...”» [Там же: 472].

В большинстве случаев личностный взгляд на человека выражается у Шергина через указание на сокровенную внутреннюю жизнь, недоступную внешнему, научному, объективированному знанию. Самую суть христианства поэтому видит он в обращении к этой внутренней жизни: «Основа и сущность христианства в том, что оно зарождает, воспитывает и растит в человеке жизнь внутреннюю, сокровенную» [Там же: 236]. Сама вера для него — это «тайная тайных нашего сердца» [Там же: 270]. Еще один пример: «Всею мыслию своею прикинь к тем, походи, хоть умом-то, вслед тех, которые во все времена держались надежнейшаго и вернаго понятия о жизни... То есть, что эта жизнь есть внутренняя, сокровенная» [Там же: 271].

Выделенная Шергиным тройка идолов нашего времени — «наука, прогресс, цивилизация» — постоянно (и порой очень эмоционально) разоблачается на страницах Дневника в том, что идолы эти либо сводят человека к материальному, познаваемому, превращая его в объект, либо делают его средством для чего-то внешнего по отношению к самому человеку, «удобрением для сомнительного счастья будущих родов» [Там же: 160]. Тогда как личность человека, являясь «таинственным метафизическим началом, определяющим неповторимость каждого» [Вадим Леонов, прот. 2023: 133], остается недоступна для обесценивающего объективирующего взгляда в своей таинственной неповторимой целостности, открыта до конца только любящему взору Божию и способна безусловно откликнуться только Тому, Кто «глашает ее по имени» (ср.: Ин. 10, 3).

Это личное начало в себе Шергин описывает, например, в следующих словах: «Есть кто-то во мне, кто-то слышащий, что некто глашает его по имени. Слышу, что Господь глашает меня по имени, и уж отворяет дверь хлева, где мы, овцы, зиму зимовали, и уж хочет нас выпустить на луга, где вечная весна, где мы неразлучны будем с Ним, Добрым пастырем» [Шергин 2014. Т. 3: 43]. Познаваемость этого личного начала лишь для Бога замечательно выражена в следующем отрывке: «Людям мне не годится в глаза смотреть, но Христу Свету я смогу в очи поглядеть. Он один беду мою, и немощь мою, и скорбь мою знает и видит. “Знаем мы его”, — ухмыляясь или сурово, или презрительно, поджимая губы, сказывают люди про меня. “Знаю я его”, — отзовется обо мне и Владыка мой. И от этих слов я и дышу еще на сем свете» [Там же: 127]

Трагедия человека безбожного века заключается в оторванности от этого взора и гласа Божия, так что в своем глубинном внутреннем страдании человек остается предоставлен самому себе: «Материалистические учения оперируют массами, классами... Там все массово, классово, механистично. Вместе с тем неизбежную, неисходную, неминуемую для каждого человека скорбь, печаль, смертную тоску, страх смерти предоставляется переживать всякому, как он хочет. Как стадно ни навькнет жить человек, личная его жизнь останется на первом месте естественно. Упавшего в скорбь душевную человека в когтях смертной тоски век сей бросает биться головой о стену...» [Там же: 236]. Научное знание, на которое уповает современное мировоззрение, также не способно дать человеку подлинное исцеление: «Ученым отвлеченно известно, что звезды так далеко, что свет от них идет

тысячи лет... Все это для личности — для меня, калеки, для тебя, скорбно-го, — не тепло, не холодно. Также как и “науке” до тебя нет никакого дела» [Там же: 228].

Особенно ярко и пронзительно этот личностный пафос и боль об утрате в современном обществе христианского личностного взгляда на человека проявляются в не опубликованной при жизни писателя рукописи под названием «О воспитании», а также в цикле его произведений о «государях-кормщиках», значительная часть из которых также посвящена «народной педагогике», процессу обучения и воспитания именитыми северными судостроителями и кормщиками своих учеников.

Воспитание, по мнению Шергина, должно носить предельно личностный характер, основываясь на безусловной любви и «острейшей жалости» к каждому человеку, ведь каждому «в нежную пору роста» нужны «любовный уход и неутомленная забота». «Стать истинным учителем, добрым наставником, ты можешь только тогда, когда ты душу свою полагаешь за детей своих, то есть за учеников твоих» [Шергин 2015. Т. 4: 267].

Воспитатель — тот тот, кто «принял тебя из колыбели и печалился тобой всю жизнь» [Там же: 277]. Главный герой записок «О воспитании» и нескольких других рассказов Шергина — знаменитый мастер Конон Второушин, — готов все терпеть от беспутного ученика, возмещать за него убытки, подолгу искать его, лишь бы он сознательно пришел в «меру возраста»: «Он верил в человека, надеялся»; «любовь к человеку помогала ему легко сносить всякие трудности»; всем, «добрым и худым», был он «пуще отца», «смотрел не на отдельные проступки, а видел всю судьбу человека» [Там же: 276, 262]. О самом трудном из воспитанников Конон говорит, что здесь он «столкнулся с личностью» [Там же: 254].

Личностный, предельно-внимательный к каждому ученику характер воспитания опирается на семейную модель отношений [Галимова 2022: 28–30]. В то время как «массовый», «общественный» характер воспитания — «ложное, беспомощное положение и представление. Разве, например, лечить людей можно массово?» [Шергин 2015. Т. 4: 300]. Поэтому, пишет Шергин, «сейчас обстановка для воспитания сложна чрезвычайно. Может быть, ты один тянешь кого-то в гору, а десятеро тащат его под гору. Я говорю “кого-то”, следственно, кого-то одного я усиливаюсь вести “в гору”» [Там же: 300]. «Ты не всех спаси, ты одного спаси», — говорил Шергин [Там же: 486]. Его главный педагогический

принцип также «персоналистичен»: «Воздействовать можно только на того человека, к которому у тебя есть сердечное, нежное, личное отношение» [Там же: 267].

Шергин описывает процесс воспитания аналогично тому, как он описывает творческий процесс и путь аскетической борьбы, духовной работы над собой, «душевного художества». Воспитание — такой же путь собирания человека изнутри, как аскеза и творчество, поскольку только от цельной, собранной в свою сердцевину, свободной от страстей и духовно богатой личности может исходить это самоотверженное «воспитательное воздействие», которое есть исполнение евангельских заповедей о полагании души своей за конкретного ближнего и несении тягот друг друга («терпи беспокойство от этого существа» [Там же: 273]). Поэтому процесс воспитания — аскетический процесс по своей природе, по Шергину, — он одновременно и служит собиранию душевного мира самого воспитателя, и является следствием этой внутренней собранности и цельности, готовности к ежедневной самоотдаче.

Аналогичным образом и творчество, «народное художество» описывается Шергиным подобно аскетическому деланию, и это является еще одной «прикладной» областью для шергинской антропологии наряду с воспитанием. В неопубликованной при жизни писателя рукописи «Народ-художник» и заметках, собранных воедино под названием «О творчестве», народные художники, сказители, резчики, мастера разного рода ремесел, так же как и писатели, прежде всего, призваны «хранить мудрость цельно», иметь «целость ума и жизни», «ум чистый и целостный» [Там же: 363, 244, 380]. Например, в заметке «Песенница» творчество народной сказительницы представлено как умное делание, аналогичное исихастской практике в миру: «Мои хоть и кратки песенки, да во всякое время теми занята. Хоть песенки дробны, а ум весь день цел. А пригоняю стишок к стишку с бодростью <...> Нарочного времени тратить совестно. А вот посуду моешь, печку топишь, шьешь, в эту пору и бежит складная-то думка» [Там же: 228].

Резчик Бобрецов также призывает учеников к «умному деланию», учит жить умом во внутренней своей «крепости»: «Жизнь-та как море волною бьет. А я со своею тишиною плаваю...» [Там же: 232]. В поучениях Бобрецова своим ученикам «художество», которым надобно заниматься «со страхом и радостью», является «светом уму», главным средством против

страсти уныния: «Наше ремесло, наше художество... — веселье сердечное и радость умная» [Там же].

Тишина внутреннего мира, «художной души» мастера соответствует молитвенной ночной тишине мира природного и стремится к этим «тихостным часам ночной работы»: «Сколько могу, столько в ночной тишине поработаю, никто тебе не помешает, никто словом душу твою не собьет. Ночью ум у человека легкий... Поработаю, на улицу выгляну, всемирного молчания послушаю» [Там же: 230–231]. По Шергину, подлинный художник подобен святому в том, что «видит природу внутренними сердечными очами» [Там же: 377–378]. И так же, как в процессе богопознания важно начать с «естественной» ступени («Очи мысленные, очи сердечные допеть, — подвиг велик. А ты природу люби. С этого зачни» [Шергин 2014. Т. 3: 166]), художнику для развития этого внутреннего зрения надо «жить заодно с природой» [Шергин 2015. Т. 4: 374]. Интересно, что и саму характеристику истинного художника как способного «видеть невидимое» Шергин дает через «Павлов привод»: «“Вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых”. То есть несомненное известие о том, на что ты уповаешь. А также в вере налицо предстают невидимые вещи. Свойства истинного художника всецело можно определить этой формулой» [Шергин 2014. Т. 3: 373].

И, наконец, само творческое вдохновение Шергин сравнивает и даже приравнивает к действию благодати Святого Духа: «И вдруг, точно дух свят накатит. Он, дух-от, дышит, где хочет, не знаешь, куда уходит и откуда приходит... Точно зори утренние в небе взойдут <...> Мир, превысший всякого мира, обьет душу. Чувствуешь, что живо все, что ты любил. Чувствуешь, что сокровищница твоя некрадомая, неистоцимая» [Шергин 2015, Т. 4: 367].

Таким образом, в материалах записок «О творчестве» и «Народ-художник» проводятся (в основном прикровенно) те же христианско-антропологические и аскетические идеи, что излагаются в основном корпусе Дневника с помощью идей апостола Павла и святых отцов. Через собственный опыт подвижника и художника Шергин приходит в этих записках к общей формулировке смысла жизни человека, что каждый призван быть художником: «Я дознался, что “жить — значит трудиться и радоваться”»; «О, человек! Тебе дана жизнь, и должно тебе радоваться жизни»; «И я <...> вздохнул всей душой и похвалил жизнь» [Там же: 374–376]. Эти формулировки

предстают как вариации знаменитых слов апостола Павла: *Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите...* (1 Фес. 5, 16–18).

В других художественных произведениях Шергина-писателя мы можем найти те же мысли, облеченные уже в фабульную форму. В качестве одного из примеров можно привести замечательный стихотворный отрывок (представленный автором как фрагмент из поморской записной книжки) «Стихосложный Грумант». Борьба с обидой, ревностью и печалью приводит героя к уединенному житию на архипелаге Шпицберген в Северном Ледовитом океане. Здесь его душа начинает словно отзываться на тишину и молчание «Груманта и всей вселенной», и это, по всей видимости, молитвенный отклик, хотя прямо об этом здесь Шергин, конечно, не пишет. В результате герой начинает чувствовать такой душевный мир, что остается на Груманте еще несколько лет (вполне патериковый сюжет) и занимается там именно «художеством», различным рукоделием и писанием, и наконец слагает саму эту стихотворную песнь о своем внутреннем пути, о результате своего «умного делания», о своем исцелении, обретении цельности:

«День по дню, как дождь, прошли три урочных года.
Притуманилась моя сердечна невзгода,
К трем зимовкам я еще девять лет прибавил,
Грозной Грумант за труды меня не оставил.
За двенадцать лет труда наградил спокойствием,
Не сравнять того покою ни с каким довольством...
Молчит Грумант, молчит берег,
Молчит вся вселенна,
И в пустыне той изба,
Льдиной покровенна.
Я в пустой избе один,
А скуки не знаю.
Я, хотя простолюдин,
Книгу составляю...
От товарищей один,
А не ведал скуки,
Потому что не спущал
Праздно свои руки.

Снасть резную отложу,
Обувь ушиваю.
Про быванье про свое
Песню пропеваю.
Соразмерить речь на стих
Прилагаю тщанье:
Без распеву не почтут
Грубое сказанье» [Шергин 2014. Т. 2: 260–262].

Другим характерным примером является известный сказ «Для увеселенья», который по праву считается вершиной творчества Бориса Шергина. Здесь мы видим невероятной красоты и силы синтез внутреннего и внешнего художества человеческого, а также единство аскетического, творческого и благодатного начал в общем «синергийном» процессе жизни (и смерти) человека. Два брата, лишившись в непогоду своего судна, понимая, что остаются умирать от голода и холода на маленьком острове посреди океана, вместо отчаяния, уныния и озлобления, будучи «вдохновенными художниками по призванью», слагают себе полную смиренного принятия воли Божией и надежды на вечную жизнь эпитафию, которую искусно воплощают на доске «высокой резьбой» вместе с узорной рамой:

«Чтобы ум отманить от безвременной скуки,
К сей доске приложили мы старательные руки...
Ондрьян ухитрил раму резьбой для увеселенья;
Иван летопись писал для уведомянья» [Там же: 134].

Со смиренным мужеством преодолевая смертную тоску и уныние, герои рассказа привлекают на место своего подвига благодать Божию (называемую здесь «радостью и весельем сердечным»), которая передается приплывшим на остров помянуть погибших братьев отцу автора (от лица которого ведется повествование) и его спутнику. «Увеселенье» художеством, бывшее средством внутренней борьбы братьев Личутиных, становится «неотымаемой» благодатной радостью для посетивших это место людей: «Неизъяснимая, непонятная радость начала шириться в сердце. Где понять!.. Где изъяснить!.. Обрато с Максимом плыли — молчали. Боялись, не сронить бы, не потерять бы веселья сердечного. Да разве потеряешь?!»

[Там же]. Присутствие благодати Божией на острове подчеркивается особым «поведением» природы, неповторимым описанием сначала заворуженной тишины моря и птиц, а потом торжествующим «вскриком» этих птиц, поднявшихся над мелями «в три, в четыре венца», словно указывая на увенчанный Богом мученический подвиг братьев и торжество вечной жизни.

Сквозь призму христианско-антропологических идей, содержащихся в Дневнике писателя, рассказ становится гимном внутреннему, аскетическому «художеству», без которого и внешнее художество не может состояться и не приносит пользы. Оберегая от «безвременной скуки» свой ум, то самое «владычное» начало в человеке, о котором много писал Шергин в дневниках, братья, как видно, сохранили тишину помыслов и способность предстоять в молитве перед Богом до смертного часа, что символически отразилось в упомянутой картине сказочной, заворуженной тишины на острове.

Подводя итоги, следует еще раз отметить целостность, внутреннее единство идейного мира Бориса Шергина, что особенно касается его взглядов на человека. Сам Борис Викторович несколько раз в Дневниках отдает явное предпочтение своему дневниковому делу благовестника (ср.: 2 Тим. 4, 5), считая его самым необходимым, при этом иногда пренебрежительно называя другую, как бы вынужденную, «внешнюю» сторону своего творчества — «фольклор-фокстрот»: «То не я, ей люди, то не я, где фольклор, он же фокстрот поганый. А тут я, где о Божьем, о Христовом сказываю» [Шергин 2014. Т. 4: 325].

Тем не менее в наиболее значимые из создаваемых им самим или перерабатываемых им сюжетов поморской народной культуры он прикровенно вкладывает те же самые христианско-антропологические идеи, что в развернутом виде присутствуют в дневниках. Это прежде всего идеи, касающиеся важнейших черт образа Божия в человеке — наличия ума или духа как средоточия и выражения предельной богообразности человеческого существа, и личности как определяющей уникальности, самостоятельности и безусловную ценность каждого конкретного человека в очах Божиих. Обе эти черты лежат в основе способности к творчеству, «душевному художеству», охватывающему всю жизнь человека: «ежедневная твоя жизнь должна быть и есть творчество» [Шергин 2014. Т. 3: 342].

Литература

- Августин Аврелий*. Исповедь // *Августин Аврелий*. Исповедь; *Абеляр П.* История моих бедствий. Москва : Республика, 1992. 335 с.
- Галимова Е. Ш.* Духовное зрение Бориса Шергина // Новая книга России (Православный иллюстрированный ежемесячный журнал-обозрение). Москва, 2003. № 6.
- Галимова Е. Ш.* Сокровище, которому и мы наследники // Шергин Б. В. Добрым людям на услышанье. Поморские рассказы. Былины. Дневники. Москва : Никея, 2022.
- Кекова С. В., Измайлов Р. Р.* «Праведное слово» Бориса Шергина. Т. 14 // Изв. Саратов. ун-та. 2014. Вып. 2. (Серия: «Филология. Журналистика»).
- Леонов, В. А., прот.* Основы православной антропологии : Учебник / 3-е изд., испр. и доп. Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2023. 544 с.
- Малков П. Ю.* Ипостась: личность или индивидуум? (К вопросу о присутствии в святоотеческом наследии смысловых аналогий понятия «личность») // По образу Слова: статьи. Москва : ПСТГУ, 2007.
- Малков П. Ю.* О Боге, человеке и Вселенной (очерки святоотеческой антропологии и космологии) // Под Главою — Христом: Статьи. Москва : Изд-во ПСТБИ, 2000.
- Методий (Зинковский), иером.* Святоотеческие категории и богословие личности. Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2014. 252 с.
- Мильков В. В., Камчатнов А. М., Козлова А. Ю.* Толковая Палея расширенного состава. Т. 1. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. 688 с.
- Михайлов П. Б.* Категории богословской мысли. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2013. 310 с.
- Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных. Т. 57 // ТОДРЛ. Санкт-Петербург, 2006.
- Хондзинский П., прот.* Святитель Филарет Московский: богословский синтез эпохи: Историко-богословское исследование. Москва : Изд-во ПСТГУ, 2012. 304 с.
- Шергин Б. В.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Сказы. Москва : Москвоведение, 2014. 496 с.

- Шергин Б. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Дневник. 1939–1970. Москва : Москвоведение, 2014. 496 с.
- Шергин Б. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4: Очерки, статьи, письма. Москва : Москвоведение, 2015. 496 с.
- Шичалин Ю. А. О понятии «личности» применительно к Троиединому Богу и Богочеловеку Иисусу Христу в Православном догматическом богословии // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25).

References

- Avgustin Avrelii. [Confession]. *Avgustin Avrelii. Isповед'*; *Abelyar P. Istoriya moikh bedstviy* [Augustine Aurelius. Confession; Abelard P. The story of my disasters]. Moscow, Respublika Publ., 1992. (In Russ.)
- Galimova E. SH. [Boris Shergin's Spiritual vision]. *Novaya kniga Rossii (Pravoslavnyi illyustrirovannyi ezhe mesyachnyi zhurnal-obozrenie)* [New Book of Russia (Orthodox illustrated monthly magazine-review)], Moscow, 2003, no. 6. (In Russ.)
- Galimova E. SH. [The treasure, to which we are heirs]. *Shergin B. V. Dobrym lyudyam na uslyshan'e. Pomorskie rasskazy. Byliny. Dnevniky* [Shergin B. V. To good people on hearing. Pomeranian stories. Epics. The diaries]. Moscow, Nikeya Publ., 2022. (In Russ.)
- Kekova S. V., Izmailov R. R. [“The Righteous Word” by Boris Shergin]. *Izv. Sarat. un-ta. (Seriya: «Filologiya. Zhurnalistika»)* [Proc. of the Saratov University (Series “Philology. Journalism”)]. 2014, vol. 14, issue 2. (In Russ.)
- Khondzinskii P., prot. *Svyatitel' Filaret Moskovskii: bogoslovskii sintez ehpokhi: Istoriko-bogoslovskoe issledovanie* [St. Filaret of Moscow: The Theological Synthesis of the Epoch: A Historical and Theological Study]. Moscow, PSTGU Publ., 2012.
- Leonov, V., prot. *Osnovy pravoslavnoi antropologii: Uchebnik* [Fundamentals of Orthodox Anthropology: Textbook]. Moscow, Izd-vo of the Sretensky Monastery Publ., 2023. 544 p.
- Malkov P. YU. [Hypostasis: personality or individual? (On the question of the presence of semantic analogies of the concept of “personality” in the Patristic

heritage)]. *Po obrazu Slova: stat'i* [In the image of the Word: articles]. Moscow, PSTGU Publ., 2007. (In Russ.)

Malkov P. YU. [On God, man and the Universe (essays on patristic anthropology and cosmology)]. *Pod Glavoyu — Khristom: Stat'I* [Under the Head — Christ: Articles]. Moscow, PSTBI Publ., 2000. (In Russ.)

Mefodii (Zinkovskii), ierom. *Svyatootecheskie kategorii i bogoslovie lichnosti* [Patristic categories and theology of personality]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2014.

Mikhailov P. B. *Kategorii bogoslovskoi mysli* [Categories of theological thought]. Moscow, PSTGU Publ., 2013.

Mil'kov V. V., Kamchatnov A. M., Kozlova A. YU. *Tolkovaya Paleya rasshirennogo sostava* [Explanatory Palea of expanded composition]. Vol. 1. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2022.

Rudi T. R. [On the composition and topic of the lives of the Venerable]. *TODRL*. St. Petersburg, 2006, vol. 57. (In Russ.)

Shergin B. V. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 2. Skazy* [Collected works in 4 volumes. Vol. 2. Tales]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2014.

Shergin B. V. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 3. Dnevnik. 1939–1970* [Collected works: in 4 volumes. Vol. 3: Diary. 1939–1970]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2014.

Shergin B. V. *Sobranie sochinenii: v 4-kh t. T. 4. Ocherki, stat'i, pis'ma* [Collected works: in 4 volumes. Vol. 4. Essays, articles, letters]. Moscow, Moskvovedenie Publ., 2015.

Shichalin YU. A. [On the concept of “personality” in relation to the Triune God and the God-Man Jesus Christ in Orthodox dogmatic theology]. *Vestnik PSTGU I: Bogoslovie. Filosofiya* [Bulletin of the PSTSU I: Theology. Philosophy]. 2009, Issue 1 (25). (In Russ.)